

ЮЛНА КУЗНЕЦОВА
ИСТОРИЯ
СЕВЕРНОГО
КРУГА

ИЛЛЮСТРАТОР
АНАСТАСИЯ БАЛАТЁНЫШЕВА

МИФ Детство

Юлия Кузнецова

История Северного круга

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»

2020

УДК 82-93
ББК 84(2)

Кузнецова Ю. Н.

История Северного круга / Ю. Н. Кузнецова — «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)», 2020 — (МИФ Детство)

ISBN 978-5-00169-173-0

Дин живёт в мире, где когда-то произошла большая катастрофа. И теперь там ядовитый снег, лишающая болезнь и совсем нет животных, только жуки-талюки. Дин случайно знакомится с Крамтом из учёного класса. Сестра Крамта больна, и, чтобы спасти её, он решает принести в жертву живого талюка... Эта история не только о выборе и ответственности за его последствия. Она ещё и о том, как оставаться человеком, несмотря на все катастрофы и болезни. О дружбе, семье, надежде, творчестве и мире, в котором всегда есть место чуду. Для детей среднего школьного возраста. Публикуется впервые.

УДК 82-93

ББК 84(2)

ISBN 978-5-00169-173-0

© Кузнецова Ю. Н., 2020
© Манн, Иванов и Фербер
(МИФ), 2020

Содержание

Глава 1. Разговор	7
Глава 2. Чудо	11
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Юлия Кузнецова

История Северного круга

Издано с разрешения автора

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Юлия Кузнецова, текст, 2020

© Издание, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2020

Глава 1. Разговор

Мама попросила, чтобы я не ходил к талюкам.

– Это из-за снега, – пояснила она. – Большой Цоер сказал, что зелёные прожилки в последнее время появляются всё чаще. И ещё Розовый лес и пастбище слишком далеко. Пожалуйста, Дин, не надо...

Я не кивал и не смотрел ей в глаза. Я не хотел её расстраивать и обманывать тоже. Я хотел как она. Не говорить всей правды. Она ведь так и сделала. Не сказала, что на самом деле не пускает меня на пастбище из-за Чойри, пастуха талюков.

Чойри одноглазый. Это последствие лишающей болезни. Мама боится, что я заражусь от него. Также чего-то лишусь. Большой Цоер ругает маму на собраниях за то, что она не пускает меня в гости к тем ребятам, чьи братья и сёстры лежат дома после лишающей болезни. На собраниях мама возражать не решается, но дома выговаривает папе:

– Почему тогда Цоер...

– Большой Цоер, – поправляет её папа.

– Цоер, – упрямо говорит мама, – мы учились с ним в одной школе!

– Но мы его сами выбрали, – мягко напоминает папа, – значит, должны почтительно говорить о нём.

Мама вздыхает и продолжает:

– Почему он тогда велел всем этим детям сидеть дома?

– Он не велел им сидеть дома. Он освободил их от учёбы. Ты же видела: Жорель вывозит свою девочку на снег – подышать.

– Она вывозит её далеко в Розовый лес! Там никого нет. Значит, она что-то знает про её болезнь.

– Она просто боится насмешек...

– Глупая Жорель, – упрямо бурчит мама. – Ребёнок болеет, а она таскает его по холоду. Всё равно, Ройк, мы не можем знать наверняка. Поветрия говорят...

– Я не верю в Поветрия.

– Потому что ты не заботаешься о Дине так, как я. Я считаю, что нужно принимать во внимание всё, что слышится. А Поветрия говорят, что, если проводить много времени с теми, кто перенёс лишающую болезнь, можно заболеть самому. Это не так сложно – держать нашего мальчика подальше от больных. У нас в семье никто не болеет.

– Как никто? Твоя мама...

– Она уехала, как ты знаешь! – повысила голос мама. – Она уехала в Восточный круг, чтобы не подвергать Дина опасности! Теперь у нас в семье никто не болеет. А в школу эти дети не ходят. Так что он не общается ни с кем из заболевших.

Почти не общается, – добавляет мама и понижает голос: – Ты знаешь, что он стал бегать на пастбище у Розового леса? К Чойри. Одноглазому Чойри. Конечно, встреча с ним на улице – это совсем не то, что в помещении: на расстоянии не заразишься. Но почему именно Чойри?!

– Наверное, Дину с ним интересно.

Мне слышно, как папа потягивается и зевает.

– И тебя это не шокирует?

– А почему меня должно это шокировать, Трина? Я тоже убежал, когда был мальчишкой. Мы бродили по Розовому лесу, перепрыгивая, слышишь, перепрыгивая через прожилки!

– Тогда они не были такими зелёными...

– Зато пропасть за пастбищем была всегда, – возразил папа, – и мы подходили к самому краю и заглядывали вниз. Кидали туда пучки сухих прожилок и смотрели, как они парили над пропастью. А самые бесстрашные вставали на край и, расставив руки, вытягивали вперёд ногу.

– Брр...

Я прямо увидел, как маму передёрнуло и она поплотнее завернулась в шаль. Шаль у неё красивая, сине-голубая, расшитая ледяными кристаллами.

– Ладно, – сказала мама, – но ответь мне, почему Цоер... хорошо, Большой Цоер дал Чойри такую работу?

– Пасти талюков? Ну, потому что она несложная...

Папа отвечал медленно, словно раздумывая.

«Засыпает», – понял я.

– Кому-то надо следить, чтобы талюки не отползали от пихты далеко, – он снова зевнул. – Они же от этого умирают.

– Ну и что?

– Как что? Так и весь их вид может погибнуть!

– Это просто жуки!

– Трина, ты шутишь? Это единственный вид животных, который может существовать в нашем климате. Остальные – только в Оранжеее!

– Но какой смысл в жуках?

– Ты забыла? Большой Цоер сказал: мы должны пытаться сохранить каждый вид живого.

– А может, – упрямилась мама, – Большой Цоер нарочно устроил пастбище так далеко? Чтобы Чойри ни с кем не общался?

– Ну как же ни с кем? А Дин?

– Ройк!!!

– По голове не бить! О, давай позовём Дина и устроим бой подушками?

– Я не хочу дурачиться, Ройк! – голос мамы зазвенел. – Я переживаю за нашего сына! И если... если тебе всё равно, я поговорю с ним завтра сама.

Вот так и вышло, что я стоял перед мамой и старался не кивать и не мотать головой. Я изо всех сил думал: «Пойми, пойми, пойми, мне очень надо!» Я надеялся, что мама услышит мои мысли. Ведь она слышит Поветрия. А их никто не произносит вслух, они витают по воздуху. Кто-то слышит, кто-то нет.

Мама долго смотрела на меня. А потом вдруг прижала мою голову к своему животу и прошептала мне прямо в волосы: «Я так за тебя боюсь...»

А я утром сделал себе из волос шалаш. Взбил их и построил таким домиком. Мамины слова попали в шалаш.

– И я очень тебя люблю, – добавила мама, и я был рад, что эти слова тоже попали в мой шалаш.

Так мы постояли немного, а потом мама посмотрела на мой верстак, где я мастерил поделки из всех остатков и осколков, которые находил где мог, и вздохнула:

– Ты ведь перед школой наведёшь на столе порядок?

Ответить я не успел: маму позвал папа, и они уехали работать – очищать снег от прожилок.

А пульт от шкафа остался на диване. Тогда я решил, что мама слышала мои мысли и поняла их. Потому что иначе не оставила бы взрослый пульт.

Я схватил его – длинный, из прозрачного лагриума. Он отличался от моего, детского. Мой был крепким, чтобы не разбиться, если упадёт. И нажать можно было только на «Готовая негорячая еда» и «Тёплая одежда». Ну, ещё «Вызов взрослого», но им почти никто никогда не пользуется.

На взрослом кнопок было гораздо больше. Я с волнением посмотрел на одну, тёмно-вишнёвую. Над ней было написано «Большой Цоер».

«Взять и набрать!» – с восторгом и ужасом подумал я.

Зачем? Проверить! Неужели ответит?! Нет, не стану... Вдруг и правда ответит.

Я принялся рассматривать другие кнопки: жёлтые, розовые, голубые.

Некоторые из них я знал. Видел, как родители управляли пультом. А две голубые кнопки под словом «Шкаф» папа часто разрешал мне нажимать самому.

Если нажать на левую, из шкафа вывалится ковёр. Лежи на нём сколько угодно, только без ботинок: к подошвам могли прилипнуть крошечные частицы прожилок, а они разъели бы мягкий ворс вмиг.

А правая кнопка вызывала лыжи.

Я нажал на неё, и вот они выехали из шкафа, синие, мерцающие – подарок папы за первый рабочий день: я помогал им отвозить засохшие и обезвреженные прожилки в огнехранилище.

Мне редко выдавали лыжи: обычно, чтобы добраться до школы, хватало снегоступов. Так что лыжи полагались только в рабочие дни или когда у нас урок ночной езды. Хотя многие ребята в классе пользовались лыжами каждый день. Но мама за меня боялась.

Я погладил лыжи, оглянулся. На верстаке лежал полярный волк, которого я мастерил из осколков камней. Рядом с ним – шприц с жидким лагриумом. Тёплый: папа разогрел с утра. Придётся завтра заново греть: холодный лагриум не склеит детали.

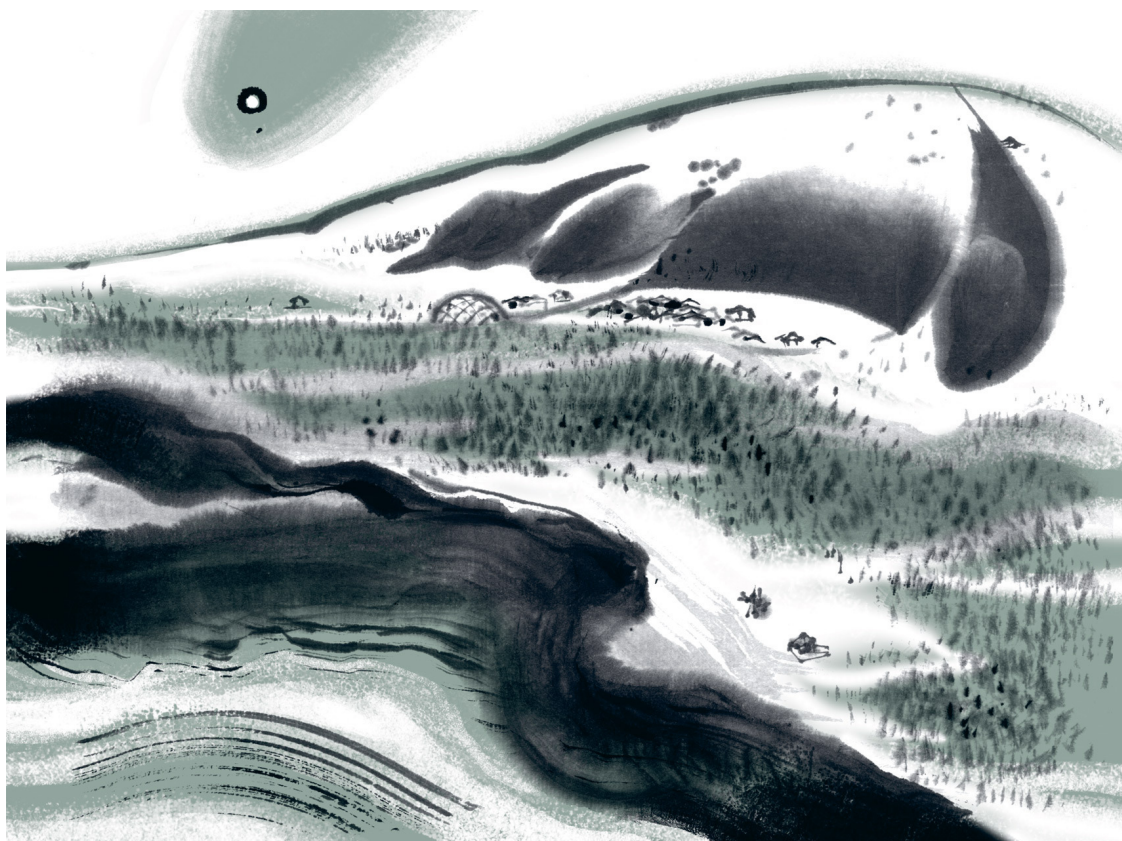
– Прости, – сказал я волку. – Не успею я тебя доделать. Наведи тут пока порядок, а?

После взял лыжи, вышел из дома. Дверь бесшумно закрылась. Я пристегнул крепления и двинулся.

Как только я уехал, в доме раздались звонки – один, второй, третий. Это мама, поняв, что забыла взрослый пульт на диване, хотела попросить меня, чтобы я его не трогал.

Но об этом я узнал только вечером. Сейчас же я катил по снегу, начинавшему розоветь, к пастбищу талюков. Вчера, когда мы с Илани и его старшим братом катались с большой горы за школой, Чойри приметил меня и отозвал в сторону.

– Приходи завтра на пастбище, – сказал он, понизив голос, – я покажу тебе чудо.

Глава 2. Чудо

Вокруг нашего дома снег белый. Родители говорят, странно было бы, если б он был розовым: они работают чистильщиками и, конечно, знают, как избавиться от розового налёта.

Но чем больше я удалялся от дома, тем розовее становился снег. Изредка попадались и зелёные прожилки. Бросая на них опасливые взгляды, я осторожно объезжал их.

Все мальчишки в нашем рабочем классе любят такое соревнование: нужно подползти к краю булькающей прожилки и швырнуть в самый центр сухую. Это сложно и страшно опасно, ведь каждую секунду снег под тобой может обрушиться и ты полетишь туда – в страшную зелёную жижу, которая только что поглотила с шипением свою засохшую сестру. Прожилки не слишком широкие, с ладонь, но, раздвигая что-то или кого-то, они расширяются, углубляются, а потом снова сужаются. В учёном классе делалось предположение, что прожилки – живые существа, однако доказали обратное.

Мама мечтает, чтобы я учился в учёном классе.

– Мы с отцом окончили рабочий класс, – говорит она, замешивая тесто, – и это не та судьба, которой я хотела бы для тебя, сынок. Учёный – вот кем нужно стать. Тем более в нашем круге, здесь, где учёные много лет назад открыли удивительные свойства лагриума!

Папа обычно хмыкает – мол, наши учёные только лагриум и открыли. Это произошло, ещё когда родители были маленькими. Тогда дома строили из снежных плит, как в глубокой древности. Папа иногда вспоминает, как помогал своему отцу рыть коридор в снежную хижину. Ветер дул страшный, зато крепче уплотнялись блоки. А потом добытчики Восточного круга привезли им лагриум – прозрачное, как слеза, полезное ископаемое, и наши учёные обнаружили, что из него можно делать всё. Дома, одежду, мебель, посуду, даже еду! Папа сказал, что в древние времена люди использовали нефть. Но после вспышки лишающей болезни никто даже вспомнить не мог, где её добывали. Так что лагриум всех спас, да и дома из него получились лучше, чем из снега.

– Только после этого открытия никто из учёных ничего важного не открыл, – качает головой папа. – Они теперь толпятся в лабораториях и Оранжеее, ищут новые способы победить розовый снег или справиться с последствиями лишающей болезни. Но толку-то!

– Зато они умные! – возражает мама.

– Умные до тех пор, пока шкаф дома не сломался, – усмехается папа. – Если хоть одна кнопка на пульте не работает, ничего сделать не смогут. Будут стоять с вытаращенными глазами и ждать рабочего. Они зависят от нас, парень, – добавляет папа, когда мама отходит к плите – перевернуть оладьи из труста, – поэтому я нисколько не жалею, что стал рабочим.

Мне тоже нравится учиться в рабочем классе.

Мы более выносливые, чем учёные. Больше знаем о вещах и предметах. Да и руками я работать люблю. Папа мне целый верстак для поделок устроил. Особенно мне нравится делать животных, таких как на картинках в древних книгах.

И уроки в нашем классе интересные. Ночная езда, например. Пока все спят, мы едем за преподавателем, слушаем лес, присматриваемся, проверяем, везде ли всё в порядке. Прожилки ночью гаснут, и это так приятно – мчаться и мчаться вперёд и не думать о том, чтобы объезжать нечто страшное, опасное и чавкающее. Поговаривают, Большой Цоер надеется, что благодаря таким урокам у нас на лбу вырастут фонари. Свои, естественные, чтобы электричество не тратить. Но это, конечно, шутка.

Урок ночной езды я вспоминаю с благодарностью ещё и потому, что на нём познакомился с Чойри.

Я ехал, ехал, и вдруг мне показалось, что я слышу пение птицы. Даже не пение – щёлканье. Я остановился, воткнул палки в снег, прислушался. Если где-то и правда щёлкает птица,

её надо найти. Из Оранжереи иногда улета­ли птицы или убегали животные. Но в нашем кли­мате, как сказал папа, пока научились жить только талюки. И то под присмотром Чойри. Так что птицу следовало поймать и отдать зверологам в Оранже­рею.

Я дождался, пока мои шумные одноклассники отъедут подальше. За их криками и бол­товнёй совсем невозможно было что-то расслышать. Когда всё стихло, я достал фонарик. Птицы не было. Я долго водил фонарём туда-сюда, пока у меня не села батарейка. Эх, а ведь мама предупреждала: «Заряди подольше!» И компас я забыл. Жаль, у родителей нет денег на рацию...

Оказавшись в темноте, я двинулся дальше. Надо было нагнать своих.

Быстрее, быстрее! Но группы не было слышно.

Я понял, что отстал. Инструкция на этот случай такая: стоять на месте и ждать препода­вателя. Но в тот раз наш учитель заболел, и класс вёл рассеянный старик Трёмли­н, глава класса учёных. Он мог обнаружить пропажу ученика только поутру. И я принял решение. Понёсся во весь дух! Всё равно где-то уткнулся в Гору.

Ехать в полной темноте – странное дело, примерно как есть с закрытыми глазами. Я мчался, но не ощущал скорости. Изредка попадались деревья, и я всё ждал, когда они закон­чатся, когда уже будет наша Гора.

Вдруг меня осветил фонарик, потом раздался крик, и кто-то бросился на меня всем телом.

Я рухнул, закричал, а кто-то вдавил меня в снег и ещё немного проехал на мне, как на санках. А потом санки, то есть я, остановились. Фонарик включился снова. И я опять заорал. Потому что увидел над собой одноглазого человека.

– Чойри, Чойри, – повторял он встревоженно, глядя в меня, – я пастух Чойри, не бойся!

Он осторожно слез, но крепко держал меня за рукав куртки. Потом луч фонарика скольз­нул вперёд, и я закричал в третий раз. Мы чуть-чуть не доехали до пропасти. Полметра. Я рухнул бы туда камнем.

Чойри подал руку, и мы отошли от страшного места. Оказалось, я ехал в противополож­ном направлении! Не от Розового леса к горе и школе, а сквозь лес – к пропасти... Знала бы мама!

Потихоньку мы добрались до дерева, за которым виднелась стоянка Чойри. Дерево было хвойным. Шишки торчали свечками. Я сразу его узнал. Пихта – одно из немногих названий, которые сохранила наша память. Остальным растениям придумали новые имена: тарута, труст, карот.

Тогда же я впервые увидел стадо Чойри. Талюки мирно посапывали на дереве. Малень­кие, похожие на клопов-пожарников из учебника по зверологии, только не красные, а фиоле­товые. Наш зверолог, учитель Грейфи, рассказывал с восторгом, что талюки – единственный вид жуков, который обитает в нашем Северном круге, советовал к ним наведаться, но кому нужны жуки, кроме Грейфи. И вот, как выяснилось, одноглазого пастуха.

Чойри осветил дерево со всех сторон, выдохнул и указал мне на камень у пихты.

– Ну что? – спросил он, усаживаясь напротив.

– Меня зовут Дин, мне двенадцать зим, – начал я, и так мы подружились.

Я со временем привык к тому, что у него один глаз, и совсем не замечал этого, особенно когда мы вели долгие душевные разговоры за чашкой орехового молока.

Вот и сегодня он уже изда­лека приметил меня и помахал пустым чайником. Чойри наце­пил зелёную шапку с зелёным помпоном. Мама говорит, только недалёкие люди могут носить столько зелёного цвета, когда весь наш мир пытается избавиться от зелёных прожилок.

– Э-ге-гей! – я не сдержался и крикнул в сторону Розового леса.

Деревья дрогнули, и розовый снег кое-где красиво осыпался на землю.

– Э-ге-гей! – радостно прокричал Чойри. – Приехал! Молодец! Покажу тебе чудо!

Стоянка Чойри – плита из красного камня. Посередине плиты горел костёр, обложенный камешками поменьше, а на краю высился навес из старой ткани, под которым Чойри спал ночью. Я торопливо сбросил лыжи и оставил их у подножия стоянки.

– Ну, где чудо?

– Обогрейся сначала!

– Ладно!

Я шагнул на плиту, протянул руки к огню, ощутил на ладонях его горячее дыхание.

– Тебе сюда нужно электричество, Чойри!

– Зачем? – засмеялся он. – Чтобы мне дали пульт? Но у меня нет шкафа, только пихта с талюками!

– Ну правда! У тебя ужасно холодно.

– Скоро согреешься, – пообещал Чойри, – утром я нашёл орешки майты. Это самый жирный и вкусный орех. Я уже растолок его, сейчас растоплю снег и залью водой.

– Где ты их нашёл? – поинтересовался я.

– В лесу есть одно место. Там всегда чисто и светло. Солнца много. И снег – белый-белый. Без прожилок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.